

Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ.

Въ исторіи днѣпровскаго козачества ясныя и связныя историческія данныя начинаются лишь съ половины XVII столѣтія. Продолжительная борьба, возникающая при Богданѣ Хмельницкомъ, и крупный переворотъ въ исторіи южно-русскаго края, бывшій ея результатомъ, вызвали многочисленныя историческія труды современниковъ: посвященные описанію самой борьбы и ея послѣдствій; кромѣ польскихъ и иностранныхъ писателей, появился цѣлый цикл мѣстныхъ лѣтописцевъ, которые составляли повѣствованія о войнахъ Богдана Хмельницкаго и затѣмъ передавали свой трудъ преемникамъ, дополнявшимъ мѣстное лѣтописаніе дальнѣйшими свѣдѣніями о исторіи козачества во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ. Но о времени, предшествовавшемъ Богдану Хмельницкому, т. е. объ исторіи козачества за все XVI и первую половину XVII столѣтія, мѣстные лѣтописцы имѣли лишь самыя неточныя и общія свѣдѣнія, дошедшія до нихъ путемъ изустнаго преданія. У польскихъ писателей XVI столѣтія свѣдѣнія эти встрѣчались только въ видѣ крайне отрывочныхъ, случайныхъ и очень часто сбивчивыхъ извѣстій, отмѣчавшихъ лишь болѣе крупныя факты на значительномъ разстояніи времени другъ отъ друга. Такимъ образомъ точныхъ данныхъ объ исторіи козачества до времени Богдана Хмельницкаго не существовало до послѣдняго времени, когда многочисленныя изданія документовъ и другихъ историческихъ памятниковъ дозволили, хотя въ нѣкоторой степени, уяснить подробности исторіи козачества въ указанное время. Недостатокъ историческихъ свѣдѣній отразился въ трудахъ первыхъ составителей исторіи козачества: они или наполняли свои сочиненія свѣдѣніями ясно вымышленными, подобно составителю „Исторіи Руссовъ“, или-же, желая изгладить многочисленные пробѣлы, вносили въ нихъ, подобно Балтышу-Каменскому

и Маркевичу, рассказы къ исторіи козачества не относящіеся и гипотезы не всегда удачныя. Впрочемъ отсутствіе точныхъ свѣдѣній огразилось на сочиненіяхъ названныхъ писателей не только скудостью фактическихъ данныхъ, но и невѣрнымъ представленіемъ о бытѣ козачества въ періодъ времени до половины XVII столѣтія: совершенно невольно писатели эти предполагали, что весь строй козачества, хорошо извѣстный имъ послѣ Богдана Хмельницкаго, былъ точно также развитъ и до него; они представляли себѣ гетмана, генеральную и полковую старшину, козацкія полки и сотни въ началѣ XVI столѣтія въ такомъ-же видѣ и съ такимъ-же устройствомъ, какими знали ихъ въ XVIII столѣтіи; вся трудность, по ихъ мнѣнію, состояла лишь въ томъ, что нельзя было указать послѣдовательнаго ряда гетмановъ и окружавшихъ ихъ старшинъ, и писатели эти направили всѣ усилія для того, чтобы составить такой рядъ для всего времени первоначальнаго существованія козачества за полтора столѣтія. Пользуясь неясными и неточными намеками польскихъ писателей, они приписывали званіе козацкаго гетмана всякому лицу, о которомъ нашли свѣдѣнія, что оно предводительствовало какимъ-либо козацкимъ отрядомъ, или даже любымъ ополченіемъ, ошибочно названнымъ козацкимъ; такимъ образомъ составилъ для XVI столѣтія рядъ мнимыхъ козацкихъ гетмановъ, въ число которыхъ были записаны и старосты украинные: Дашкевичъ, Лянцкоронскій, Вишневецкіе и т. д., и предводители шляхетской вольницы, какъ Сверчовскій, и политическіе иноземные авантюристы, какъ Подкова, и наконецъ лица никогда не существованція, какъ прославленный Феодоръ Богданъ. Въ исходѣ XVI столѣтія историческія свѣдѣнія нѣсколько становятся яснѣе: съ началомъ козацкихъ реакцій прогивъ Польши, крупныя козацкія возстанія, а также участіе козаковъ въ крупныхъ военныхъ столкновеніяхъ польскаго государства отмѣчены довольно подробно у польскихъ историческихъ писателей, хотя все таки между отдѣльными событіями остаются довольно значительныя промежутки, которые историки Малороссіи пытались замаскировать всевозможными натяжками.

Для примѣра укажемъ время съ 1596 года, когда усмирено было козацкое возстаніе Наливайка, по 1618 г., когда польское правительство признало козацкимъ гетманомъ Петра Сагайдачнаго. Исторія Руссовъ, рассказавъ смерть Наливайка въ 1597 году, ут-

верждаетъ, что уже въ 1598 выбранъ былъ въ гетманы генеральный обозный (sic) Петръ Конашевичъ, которому польская партія противопоставила будто своего кандидата „сотника Дамьяна Купку“, но такъ какъ о дѣяніяхъ ни Конашевича, ни Купки у автора не было подробныхъ свѣдѣній, то онъ наполняетъ указанный промежутокъ времени очень краснорѣчивымъ разсказомъ о насильственномъ введеніи униі, о притѣсненіяхъ вообще южно-руссовъ поляками, о переходѣ въ католичество южно-русскихъ дворянъ, которыхъ онъ представляетъ себѣ чиновною козацкою старшиною, убоявшеюся лишенія „мѣстъ своихъ и ранговыхъ имѣній“ и, наконецъ, разсказомъ о первомъ самозванцѣ. Марьевичъ и Вантышъ-Каменскій слѣдуютъ въ описаніи даннаго времени по пути проложенному авторомъ Исторіи Руссовъ и наполняютъ данный промежутокъ времени длинными цитатами изъ его книги; Вантышъ-Каменскій вноситъ только двѣ незначительныя поправки: начало гетманства Сагайдачнаго онъ относитъ къ 1605 году и имя Купки поправляетъ въ Костку, при чемъ называетъ его не гетманомъ, а Кошевымъ запорожскимъ.

Между тѣмъ, если мы соберемъ данныя изъ изданныхъ понынѣ документальныхъ источниковъ, то получимъ возможность въ значительной мѣрѣ восполнить факты, относящіеся къ указанному промежутку времени. Послѣ казни Наливайка реестровые козаки оставались въ пользованіи прежнихъ своихъ войсковыхъ правъ: они выбирали начальниковъ, въ томъ числѣ и гетмана (котораго польское правительство называло „старшимъ войска запорожскаго“), имѣли свой судъ, свое управленіе, призывались въ военные походы, оберегали границу отъ татарскихъ набѣговъ, оказывали поддержку православной церкви въ борьбѣ ея съ униєю и т. д. Гетмановъ козацкихъ въ указанное время мы всѣхъ не знаемъ, такъ какъ они мѣнялись весьма часто и вѣроятно выбирались только на годичный срокъ; но восемь именъ можемъ назвать, основываясь на источникахъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Въ 1596 году, послѣ сдачи Наливайка, старшимъ войска запорожскаго признанъ былъ *Христофоръ Нечковскій*, которому въ томъ-же году правительство поручило охраненіе границъ отъ татарскаго набѣга¹⁾.

¹⁾ Listy Stanisława Żółkiewskiego (1584—1620). Краковъ, 1868. стр. 92.

Въ 1597—1598 году старшимъ былъ *Тихонъ Байбуза*, вполне преданный польскому правительству и вызвавшій своимъ поведеніемъ реакцію въ Запорожьѣ; изъ переписки его съ гетманомъ Жолкевскимъ мы видимъ, что многіе козаки, недовольные его управленіемъ, бѣжали въ Запорожье, выбрали старшимъ бывшаго участника возстанія Наливайка—*Полоуса*, разбили отрядъ, посланный противъ нихъ Байбузою подъ предводительствомъ асаула *Скалозуба*, и овладѣли войсковою казною и флотиліею ¹⁾).

Въ 1600—1602 годахъ старшимъ войска запорожскаго былъ *Самуиль Кошка*, имя котораго уцѣлѣло въ народной памяти, благодаря прекрасной народной думѣ, въ которой имя Кошки связано съ рассказомъ объ освобожденіи невольниковъ изъ турецкаго плѣна. Въ 1600 году козаки подъ предводительствомъ Кошки участвовали въ походѣ поляковъ на Молдавію, затѣмъ въ 1601—1602 годахъ ходили по призыву польскаго правительства восвать со шведами; во время этого похода козаки, не получая жалованья и продовольствія отъ правительства, сильно страдали отъ голода и недостатка, вслѣдствіе чего принуждены были насильно собирать провіантъ въ Вѣлой Руси, пришли въ столкновеніе съ жителями Витебска и разграбили этотъ городъ. Въ началѣ 1602 года Самуиль Кошка убитъ былъ въ сраженіи со шведами и тѣло его препровождено для погребенія въ Кіевъ. Изъ переписки этого гетмана съ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, мы знаемъ, что козаки до выстушенія своего въ походъ потребовали предварительно гарантію своихъ вольностей, обезпеченныхъ имъ привилегіею короля Баторія: права судиться исключительно своимъ судомъ, неприкосновенности козацкой поземельной собственности и т. п. ²⁾).

Преемникомъ Кошки въ 1602 году былъ *Гаврило Крутиневичъ*, или *Кортневичъ*, бывшій въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьѣ и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи ³⁾). Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ *Иванъ Куриковичъ*, который, не находя возможности удержать дисциплину среди козаковъ, не

¹⁾ Ibidem. стр. 86—90.

²⁾ Ibidem. стр. 107—110, 114—117. Боркулабовская хроника въ «Матеріалахъ, изданныхъ Куляшемъ», стр. 75—76.

³⁾ Ibidem., стр. 117; Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 318—319.

получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Бѣлой Руси, сложилъ съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года. Мѣсто его занялъ *Иванъ Косый*, подъ предводительствомъ котораго казаки возвратились наконецъ въ Украйну ¹⁾).

Въ 1606 году козацкимъ гетманомъ былъ *Григорій Ізатовичъ*, универсалъ котораго, предостерегавшій жителей юго-западной Руси о предстоящемъ вторженіи татаръ, дошелъ до насъ ²⁾).

Наконецъ въ 1610 году извѣстенъ намъ козацкій гетманъ *Григорій Тискиневичъ*, оказывавшій весьма энергическую поддержку православному духовенству въ борьбѣ его съ уніатами, разразившейся по поводу занятія уніатскимъ офиціаломъ Грековичемъ соборной церкви св. Софїи въ Кіевѣ ³⁾).

Къ этому далеко неполному списку козацкихъ предводителей въ промежутокъ времени съ 1596—1618 годъ, мы можемъ прибавить еще одно имя—*Дмитрія Богдановича Барабаша*, бывшаго козацкимъ гетманомъ въ 1617 году, какъ это явствуется изъ приложеннаго документа ⁴⁾). Имя этого гетмана связано и съ послѣдующею исторіею козачества: извѣстный современникъ и соперникъ Хмельницкаго Иванъ Барабашъ, былъ сыномъ Дмитрія Барабаша; на книгахъ пожертвованныхъ имъ въ черкасскую рождественскую церковь онъ подписался „Иванъ Дмитріевичъ Барабашъ“ ⁵⁾).

Изъ самаго акта мы можемъ извлечь одну бытовую подробность для исторіи козачества въ данное время. Это положительное указаніе на существованіе самостоятельнаго и независимаго козацкаго суда, состоявшаго подъ предѣдательствомъ гетмана изъ коллегіи, названной въ документѣ „радою гетманскою зуполною“.

В. Антоновичъ.

¹⁾ Ibidem. стр. 118—121; Боркулабовская хроника, стр. 80—81.

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 152—153.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, томъ II, стр. 66—67.

⁴⁾ Документъ этотъ сообщенъ намъ обязательно Н. В. Лучицкимъ, открывшимъ его конію, писанную почеркомъ конца XVIII столѣтія въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи Малороссіи (переславская сотня—приложеніи № 55).

⁵⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 402.

Приказъ козакаю гетмана Дмитрія Богдановича Барабаша переславской козацкой старшиинь о томъ, чтобы она озаботилась о возвращеніи козаку переславскому Гаврилу Колушкевичу участка земли, отнятаго у него безправно переславскими козаками Сачченками. 1617 г., марта 7-го.

Дмитрь Богдановичъ Барабашъ, гетмаяъ, зо веѣмъ рицертвомъ войска его королевское милости запорожского.

Старшему на тотъ часъ надъ товариствомъ у переславскихъ товаришомъ, такъ на тотъ часъ, яко и на потоміе часы будущему, зичимъ вашмосцемъ отъ пана Бога зо веѣмъ товариствомъ своимъ здорова, зе всеми радостными помыслими потехами въ незамеронные лѣта, яко самъ себе.

Приходилъ до рады наше зуполное товаришъ нашъ козакъ войска запорожского Гаврило, обиватель переславскій, перекладаючи передъ нами жалъ свою на Сачченки, суседовъ своихъ, которые ему въ кгрунтахъ отцовщини его безправне, такъ въ сеножатехъ, яко и засеянемъ нашихъ на нивахъ власное отцовщини его кривди и утиски безправне чннять и тихъ грунтовъ не будучи посессорами и ни жадными дедичами, нетъ ведома за якимъ правомъ, оного Гаврила, товарища нашего, оттерши отъ кгрунту, отцовщини его уживають. Якожъ зрозумѣли есмо зъ декрету отъ него намъ поданного, же се то ему въ такомъ обелженю великая кривда дѣеть, зрозумѣли есмо; прото срого а сурове росказуемо, подъ ласкою нашею войсковою и подъ срогкимъ каранемъ войсковимъ, убитку товаришевѣ нашему, тому Гавриловѣ такового обелжения, кривди и утисковъ тимъ Сачченкамъ въ кгрунтахъ его чинить надъ тое писане наше не доущать рачили. А што наши свое власное посеяли на нивахъ кгрунту его, аби ему десетину давши, большей уживать тихъ нивъ не важилися, яко и сеножатеи косить, ихъ на пожитокъ свой оборочать не хотели, але и овнемъ, яко кгруить отцовизний его власное, къ нему обернувши, потреби жадное не мели и моци жадное вечными часи не денжали, жеби се тежъ тотъ товаришъ нашъ Гаврило Колушкевичъ зъ жалемъ до насъ не приходилъ и намъ всему войску трудности не задавалъ. Писаяъ у Черкасовѣ року 1617, Марта 7 дня. (М. П.).